

Услышав его подтверждение, Бай Миньюй будто получил удар по голове. Его бледное лицо мгновенно лишилось крови, а глаза, подведённые тёмной подводкой, продолжали пристально смотреть на него, словно он не мог поверить услышанному. Пальцы, прежде крепко сжатые, внезапно разжались, и нефритовая бутылочка упала у его ног, разлив на пол розоватую мазь.

В комнате распространился лёгкий аромат, смешанный с особыми сладкими нотами.

Мазь «Ледяная кожа и нефритовые кости».

Он не обманул Цзян Хуэй — эта мазь действительно была любимым средством его матери для ухода за кожей, но рецепт давно был им тщательно изменён, и в него добавили несколько редких и дорогих трав.

Цзян Лоюй наблюдал за розоватой мазью, разлившейся на полу, и уголки его губ растянулись в ещё более загадочной улыбке, напоминающей отравленную стрелу, только что заточенную и закалённую.

В его тщательно приготовленной мази «Ледяная кожа и нефритовые кости» уже содержался цветок Чжу Лянь, который при длительном использовании лишает человека способности к деторождению. Кроме того, он добавил туда «Песок кровавого младенца» — вещество слегка красноватого оттенка, которое при нанесении делает кожу более нежной и белой, проникая через кожу в кровь и оставляя сильный, необычный аромат.

«Песок кровавого младенца» — это название чрезвычайно ядовитого растения, растущего в самых глубоких болотах Мяоцзяна. Оно было прокушено бесчисленными ядовитыми существами, и его тело стало красным, как кровь, а семена напоминают песчинки, отсюда и название.

Если цветок Чжу Лянь не сработает и не лишит Цзян Хуэй возможности иметь детей, то «Песок кровавого младенца» непременно заставит её родить монстра, которого никто не ожидает — существо с уродливыми конечностями и лицом, которое невозможно разглядеть. Долгое использование мази также вызовет зависимость кожи, и если она хоть раз не нанесёт её, её некогда белая и гладкая кожа начнёт резко сжиматься, быстро стареть, покрываться морщинами и в конце концов полностью разрушится.

«Песок кровавого младенца» чрезвычайно редок, и если не учитывать его ядовитость, он является настоящим сокровищем для ухода за кожей. Его люди с огромным трудом достали его из Мяоцзяна, и каждое растение стоило целое состояние.

Теперь, добавленный в мазь «Ледяная кожа и нефритовые кости», он усилил её увлажняющий и питательный эффект. Тот, кто никогда не слышал о «Песке кровавого младенца», при первом нанесении сока этого растения на лицо почувствует, что кожа стала более увлажнённой и белой, и, если у него ещё останется мазь, продолжит использовать её.

Цзян Хуэй, разве ты не хотела красивой внешности?

Цзян Хуэй, разве ты не хотела своих детей?

На этот раз я дам тебе всё, чего ты так желаешь, но ты должна будешь удержать это.

Цзян Лоюй продолжал стоять с опущенной головой, и Бай Миньюй, стоявший перед ним, не мог разглядеть его выражение лица. Однако в глазах Бай Миньюя, подведённых тёмной подводкой, постепенно разгорался гнев, словно на вечно замёрзшем льду внезапно расцвёл

алый лотос.

Его голос был тяжёлым, а бледные пальцы сжались в рукавах.

— Ты...

— Ты хочешь спросить, сделал ли я это, чтобы навредить Цзян Хуэй? — медленно поднял голову Цзян Лююй. Его улыбка была словно маска, натянутая на лицо, и если смотреть на неё при мерцающем свете лампы, она могла вызвать страх.

Бай Миньюй смотрел на его лицо, с трудом сдерживая желание отступить, но тело его оставалось прямым, а глаза пристально наблюдали за ним. Его бледное лицо будто покрылось слоями непроглядной тьмы, скрывая его истинные чувства.

— Или... почему я сам тоже использую это лекарство, хотя оно предназначено для других? — не услышав ответа, Цзян Лююй сохранил улыбку, но его взгляд резко отвёл в сторону, к розовой мази, всё ещё источающей аромат. Его голос был мягким, словно он уговаривал кого-то. — Конечно, чтобы заставить того, кто уже на крючке, быстрее клонуть.

Нет.

Наверное, это ненависть.

Он ненавидел госпожу Чжэнь, ненавидел Цзян Хуэй, ненавидел Нань Цзинлуна — но больше всего он ненавидел себя.

Того самого себя, который когда-то был обманут, принимая чужие притворные заботы за спасение, и в конце концов, как глупый муравей, умер в Холодном дворце.

Ненависть.

Казалось, в следующий момент она сожжёт его дотла, не оставив ни пылинки.

Поэтому, даже если ради этого плана он сам навсегда лишится возможности иметь детей, а его лицо и тело отравятся... ему всё равно.

Он вернулся к жизни только для мести.

Только для мести.

Когда он отомстит и заодно возьмёт под контроль то, о чём не думал в прошлой жизни, он унаследует трон после церемонии совершеннолетия, а затем передаст всё своё имущество и воинскую бирку младшему брату, который к тому времени вырастет и сможет защитить себя. После этого он уйдёт в место, о котором никто не знает, и проведёт остаток жизни в одиночестве.

Он знал, что эта жизнь не должна быть управляема ненавистью, но те десять лет, как прилипшая к кости пиявка, постоянно напоминали ему о преступлениях, которые он совершил в прошлом.

Никто не знает, что он чувствовал в те бесчисленные ночи в Холодном дворце, когда лежал с широко открытыми глазами, ожидая отчаяния. Одинокая старость, отсутствие детей — всё это его больше не пугало.

По крайней мере, он больше не боялся, что однажды проснётся и не сможет разглядеть сердце того, кто лежит рядом.

Небо уже полностью потемнело, и Цзян Лоюй слегка опустил лицо. Его бледное и прекрасное лицо в свете лампы напоминало луну, излучающую мягкий свет в бескрайней тьме небес.

Бай Миньюй внезапно развернулся и направился к двери. Белый подол его одежды промелькнул перед сидящим за столом человеком, и резная дверь с грохотом распахнулась.

Цзян Лоюй резко встал, его улыбка исчезла, а взгляд стал острым, когда он смотрел на удаляющуюся фигуру. Его голос был низким и пронизывающим.

— Что ты делаешь?

— Как ты думаешь? — остановился в дверях Бай Миньюй. Его подведённые глаза закрылись, а лицо, обращённое к нему спиной, не выражало никаких эмоций. Его голос разнёсся по ветру, холодный, как при их первой встрече. — В этом доме только я знаю, что это за вещь. Я никому не скажу. Если ты не доверяешь, можешь в любой момент забрать мою жизнь.

Цзян Лоюй смотрел, как его фигура постепенно удаляется, его пальцы, спрятанные в рукавах, слегка дрожали. Его бледные губы приоткрылись, но ушедший человек уже не слышал его слов.

— ...Бай Миньюй...

Спустя долгое время Цзян Лоюй наконец пошевелил своим телом, окоченевшим от ветра, и собрался вернуться в комнату, но его взгляд снова упал на розоватую мазь «Ледяная кожа и нефритовые кости», разлитую на полу. Его выражение лица мгновенно стало ледяным.

Чжу Юэ стояла неподалёку, держа поднос, и, глядя на Цзян Лоюя, стоящего в полумраке при мерцающем свете лампы с загадочным выражением лица, слегка склонилась, словно испытывая робость, и тихо доложила:

— ...Наследник, ужин подан. Вы...

— Убери всё в комнате. И подготовь кабинет, сегодня я буду ночевать там, — опустил глаза Цзян Лоюй. В его чёрных, как нефрит, глазах промелькнул тёмный свет, а светло-зелёные рукава слегка колыхнулись на вечернем ветру. — Убери поднос. Аппетита нет, есть не хочу.

Луна на небе постепенно показалась из-за облаков, и её мягкий свет осветил маленький дворик, где у стены цвели весенние цветы.

Цзян Лоюй повернул голову, взглянув на жёлтые цветы, и направился к восточному флигелю, расположенному недалеко от главного дома. Но прежде чем его пальцы коснулись резной деревянной двери, он услышал, как стоящая позади Чжу Юэ внезапно воскликнула:

— Наследник, Бай Шуан, Бай Шуан!

Цзян Лоюй почувствовал лёгкое волнение, и его рука, уже почти коснувшаяся двери, замерла. Его глаза, чёрные, как нефрит, медленно опустились, и он увидел белую ткань, погружённую в темноту.

Его голос был спокойным, словно не выражал никаких эмоций.

— Разве ты не ушёл? Зачем вернулся?

Бай Миньюй молча стоял во дворе, а спустя мгновение, опустив голову, подошёл к Цзян Лююю, взял его за руку и потянул в тёмный флигель. Он вложил в его ладонь то, что всё это время крепко сжимал в руке, и тихо прошептал:

— Возьми, носи это.

Цзян Лююй смотрел в темноте на человека, чьи глаза, освещённые лунным светом, казались слегка сияющими. Его пальцы ощупали плоский и круглый предмет, почти не имеющий температуры, который ему передали, и он с удивлением тихо спросил:

— Что это?

— Камень десяти тысяч ядов, — голос Бай Миньюя в темноте звучал приглушённо, но, когда он доносился до ушей, казалось, в нём была какая-то странная мягкость. — Временно даю тебе. Он может нейтрализовать «Песок кровавого младенца».

Камень десяти тысяч ядов из Мяоцзяна?

<http://bllate.org/book/17692/1651001>